

Осокин Николай Алексеевич

**История альбигойцев и их
времени**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич О.**
История альбигойцев и их времени: Том 2 / Осокин Николай Алексеевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 534 с.

ISBN 978-5-521-26689-0

ISBN 978-5-521-26689-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая на судъ критики второй и послѣдній томъ своего труда объ Альбигойцахъ, авторъ не имѣетъ въ виду распространяться о характерѣ и задачахъ его. Онъ укажетъ на то, что было высказано имъ въ предисловіи къ первому тому. Составляя продолженіе исторіи Альбигойцевъ за ея второй, болѣе долгій, но менѣе фактивный періодъ,—настоящая книга имѣетъ вмѣстѣ и отдѣльное, самостоятельное содержаніе. Она занимается повѣствованіемъ о томъ времени, когда альбигойская ересь перестала быть цѣлостною, энергическою оппозиціей, когда она сдѣлалась предлогомъ для осуществленія политическихъ задачъ французскаго правительства и когда для искорененія ея послѣднихъ представителей прибѣгнули къ примѣненію орудій религіозной нетерпимости. Т. о. изслѣдованіе объ Альбигойцахъ должно было обратиться въ рассказъ о приобрѣтеніи Лангедока и Прованса французами и въ исторію начальной, т. е. южно-французской инквизиціи. Начало инквизиціи—вопросъ весьма неразработанный и темный въ церковной исторіи, хотя самыя учрежденія ея были описаны не разъ съ достаточной подробностью. Авторъ полагаетъ, что элементы этихъ учреждений коренились издавна, подготавливая матеріаль для стройной системы. Духъ, одушевлявшій инквизицію, не могъ быть внесенъ однимъ человекомъ. Онъ развивался подъ вліяніемъ историческихъ судебъ Западной Церкви. Инквизицію можно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ нетерпимость вообще, и въ болѣе узкомъ, непосредственномъ, какъ судебно-по-

лицейское учрежденіе, наблюдавшее за чистотой католическаго ученія и каравшее уклоненіе отъ нея. Въ послѣднемъ смыслѣ требуется для представленія объ инквизиціи непремѣнное участіе доминиканскаго элемента. Потому, говоря объ инквизиціи вообще, мы не могли игнорировать историческое развитіе религіозной нетерпимости на Западѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая и опровергая всѣ прежнія теоріи касательно открытія первыхъ церковныхъ судилищъ, мы искали болѣе точной даты для начала доминиканской инквизиціи. Опираясь на неизданные протоколы провансальскихъ трибуналовъ, которыхъ доселѣ не имѣли въ виду, авторъ долженъ былъ остановиться на новой, болѣе поздней датѣ.

Исходя изъ той мысли, что вопросы церковной исторіи не могутъ быть изучаемы и понимаемы безъ знакомства съ политическими и общественными, мы по возможности связывали ихъ съ послѣдними. Авторъ не хотѣлъ, чтобы его книга приняла характеръ мартирологіи Альбигойцевъ. Да и независимо отъ того, онъ долженъ былъ часто обращаться къ папской исторіи и къ политическимъ событіямъ на Западѣ въ XIII столѣтіи, потому что инквизиціонныя институты создавались подъ влияніемъ той и другихъ,—а болѣе всего къ внутренней исторіи Лангедока, потому что она входила въ кругъ задачъ этого сочиненія.

Такъ какъ существеннымъ источникомъ той части предлагаемой книги, которая говоритъ объ инквизиторскихъ гоненіяхъ, служатъ протоколы провансальскихъ трибуналовъ, почти вовсе не разработанные, то мы не рѣшались продолжать нашъ трудъ, пока не получили возможности ознакомиться съ ними. Этимъ объясняется запоздалость выхода втораго тома. Благодаря вниманію и содѣйствію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, намъ были открыты богатые архивы парижской Національной (тогда еще „императорской“) библіотеки, въ которой находится громадная рукописная коллекція протоколовъ,

собранный Доа въ архивахъ южно-французскихъ трибуналовъ. „Société de l'histoire du protestantisme français“ любезно предложило намъ свою специальную библіотеку, но печатнымъ матеріаломъ почти во всемъ объемѣ авторъ могъ пользоваться и въ Россіи. Мы хотѣли изслѣдовать также архивы провинціальныя, но профессоръ Germain (ректоръ въ Монпелье), прежде самъ занимавшійся вопросомъ объ ересь, засвидѣтельствовалъ намъ, что они ничего болѣе не представляютъ для исторіи мѣстной инквизиціи (en fait de manuscrits il ne reste absolument rien à dénicher dans les archives officielles), такъ какъ весь наличный рукописный матеріалъ по дѣламъ трибуналовъ перенесенъ отсюда въ Парижъ. Это избавило насъ отъ напрасныхъ и излишнихъ поисковъ.

Настоящій томъ еще не истощилъ портфеля, составленнаго авторомъ во время занятій въ Національной Библіотекѣ. Мы имѣемъ достаточный запасъ рукописнаго матеріала для исторіи т. н. лжеапостоловъ, бегиновъ XIV столѣтія. Собственно съ этой стороны инквизиція оставила болѣе всего документовъ, но авторъ не могъ ввести ихъ во всей цѣлости въ изложеніе, потому что это вывело бы его изъ намѣченныхъ предѣловъ.

Но одинъ рукописный матеріалъ, послужившій источникомъ для многихъ страницъ предлагаемой книги, не могъ бы самъ по себѣ обуславливать необходимость изученія провансальской и вообще первой инквизиціи въ глазахъ русской публики. Авторъ смѣетъ думать, что соединивъ въ своемъ изложеніи исторію первой инквизиціи съ исторіей нетерпимости Римской Церкви вообще, онъ нѣсколько оградилъ себя отъ такого упрека. Онъ хотѣлъ показать, какъ терпимость содѣйствовала росту и могуществу Западной Церкви и какъ обращеніе къ нетерпимости повліяло на ея внутреннее и внѣшнее паденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ инквизиція, явленіе совершенно чуждое духу христіан-

ства, стала необходимымъ завершеніемъ папской системы, послѣдняя подорвала всякое уваженіе къ себѣ въ общественномъ мнѣніи Запада и стала близиться къ гибели. Инквизиція была гангреной католицизма, его злымъ геніемъ. Въ этомъ отношеніи исторія нетерпимости всегда будетъ интереснымъ предметомъ для изученія. Тѣ охранительныя, полицейскія мѣры, которыя порождаетъ преслѣдованіе протеста, представляютъ собою орудіе весьма обоюдоострое. Гоненіе на чужую мысль есть проявленіе боязни за прочность собственной, сознаніе внутренней несостоятельности. Нетерпимость вызвала крушеніе даже такой могучей силы во всемірной исторіи, какою была Римская Церковь. Альбигойство, явленіе болѣзненное, пало бы само собою отъ внутренняго разложенія и отъ противорѣчій, которыми оно страдало. Трибуналы же, преслѣдуя ересь, вызвали противъ себя общественное негодованіе, обратившееся послѣ на самое католичество, и тѣмъ косвенно подготовили болѣе рѣшительную оппозицію, т. е. великую Реформацію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(ЛАНГЕДОКЪ ВЪ 1216—1229 Г.).

Инквизиціонный домъ въ Тулузѣ. Основатели нищенствующихъ орденовъ.—Недовольство владычествомъ Симона Монфора. Проявленіе патріотической реакціи въ Провансѣ и Лангедокѣ. Осада Бокера и первое возстаніе въ Тулузѣ; подавленіе его. Второе возстаніе въ Тулузѣ; осада ея и смерть Симона Монфора. — Слабая власть Амори Монфора; его отступленіе изъ страны.—Годы свободы и независимости. Политика Филиппа II и папъ по отношенію въ Лангедоку и альбигойцамъ. Походы Людовика VIII. Раймондъ VII Политика королевы Бланки.—Покореніе Лангедока французами; изъясненіе покорности графомъ тулузскимъ Парижскій договоръ 1229 г. — Тулузскій соборъ и опытъ трибунала.

I.

Въ старой Тулузѣ, на восточной окраинѣ города, долгое время сохранялись слѣды античныхъ стѣнъ Нарбонскаго замка. Этотъ укрѣпленный замокъ, прожившій цѣлую исторію страны, нѣкогда служилъ помѣщеніемъ римскихъ сановниковъ, цитаделью вестъ-готскихъ королей, дворцомъ герцоговъ Аквитаніи и резиденціей графовъ тулузскихъ. Къ одной изъ наружныхъ стѣнъ этой крѣпости, со стороны обращенной къ Гароннѣ, въ 1214 году пріютился монастырь, въ которомъ временно поселились первые послѣдователи испанскаго проповѣдника и подвижника Доминика д'Аца. Осыпавшіяся двойныя арки, раздѣленные бѣлыми мраморными колонками, сѣрые кубическіе кирпичи, все показываетъ, что католическая обитель воздвиглась на римскихъ руинахъ. Архитектура обозначаетъ древность постройки, постепенно обновлявшейся. Главный фронтонъ этого монастыря, выходящій противъ нынѣшняго «palais de justice», принадлежитъ въ настоящемъ видѣ XVI вѣку.

Видъ зданія мраченъ и тяжелъ какъ и то, что нѣкогда совершалось за его стѣнами.

Надъ воротами его крупными буквами было написано: DOMVS INQUISITIONIS, — *домъ инквизиціи*.

Эти слова, нѣкогда столь страшныя для горожанъ, уже сгладились временемъ, но еще недавно можно было видѣть прочія надписи и украшенія фронтона.

TVA RVRA, — *твое селеніе*, — такъ гласитъ надпись, видимо взывающая къ небу и окружающая гербъ съ изображеніемъ голубя, который несетъ въ клювъ масличную вѣтвь мира.

Гербъ доминиканскаго ордена, пальма и звѣзда на бѣломъ фонѣ съ чернымъ, и гербъ Франціи, лиліи съ королевской короной, — соединенные вмѣстѣ, украшаютъ середину фриза. По обѣимъ сторонамъ гербовъ было изображено: *simul in unum, dives et pauper* — *вмѣстѣ водино, богатый и бѣдный*. На тимпанѣ читались многознаменательныя слова: *«единъ Богъ, одна вѣра»*.

Небольшая галерея съ дугообразнымъ сводомъ, на который опирается порталъ, ведетъ во дворъ зданія. Въ ней помѣщались прежде статуи св. Доминика и Петра мученика. Стѣны крытаго дворика и плафонъ были разрисованы картинами, изображавшими жизнь и чудеса Доминика. Сухая и болѣзненная фигура святаго, съ звѣздой на челѣ, имѣетъ видъ грустный и нѣсколько суровый. Недалеко отъ церкви монастырской, путешественнику укажутъ келью, въ которой, по преданію, жилъ первое время св. Доминикъ.

Это зданіе было подарено основателю ордена богатымъ тулузскимъ гражданиномъ Петромъ Челлани, въ 1214 году. Когда, послѣ утвержденія братства, спустя два года, первые послѣдователи Доминика оставили это тѣсное убожище и перемѣстились въ новый, болѣе просторный монастырь, то инквизиціонный трибуналъ сдѣлалъ его мѣстомъ своихъ собраний. Титулъ великаго инквизитора тулузскаго существовалъ почти до самой великой французской революціи. Въ 1774 году, зданіе было куплено однимъ тулузцемъ, который завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ хранить *домъ инквизиціи* на память поколѣніямъ. Въ послѣднее время здѣсь помѣщалась капелла одного религіознаго общества.

Полагаютъ, что тутъ «святѣйшій отецъ Доминикъ» задумалъ будущія мѣры истребленія альбигойской ереси, за которую тлѣлась война на почвѣ Лангедока уже почти десять лѣтъ.

Старые историки католическіе не стѣсняются награждать основателя доминиканскаго ордена, этого братства проповѣдниковъ, далеко не лестною славой перваго инквизитора въ христіанскомъ мірѣ. Одинъ изъ нихъ начинаетъ свой длинный перечень великихъ тулузскихъ инквизиторовъ Доминикомъ и помѣчаетъ 1209 годомъ перваго отправленія инквизиціоннаго учрежденія ⁽¹⁾. Въ его глазахъ доминикан-

⁽¹⁾ J. J. Percin. Monumenta conventus Tolosani ordinis ff. Praedicatorum primi ex vetustissimis manuscriptis originalibus tran-

скій орденъ и инквизиція почти тождественны. Другой писатель — монахъ идетъ гораздо далѣе и, сочиняя панегирикъ инквизиціи, относитъ ее къ временамъ отдаленнѣйшимъ, поставивъ во главѣ этого учрежденія уже не Доминика, а самого Господа (³). «Самъ Іегова, восклицаетъ этотъ фанатикъ, исполнялъ обязанности инквизитора, когда громилъ возмущившихся ангеловъ. Онъ продолжалъ поступать такъ и здѣсь на землѣ, когда наказывалъ нашего пращура Каина и тѣхъ безумцевъ, которые созидали башню Вавилона. Онъ передалъ это дѣло св. Петру, который впервые примѣнитъ такую кару противъ Ананія. Первосвященники римскіе, непосредственные преемники этого князя апостоловъ, перенесли въ послѣдствіи свои права на св. Доминика и его орденъ». Такою преемственностью объясняется, по мысли автора, святость инквизиціи.

Но, оставляя въ сторонѣ фантазіи Мацедо, слѣдуетъ ли возложить на Доминика отвѣтственность за изобрѣтеніе перваго инквизиціоннаго трибунала? Справедливо ли съ личностью Доминика смѣшивать вѣкъ инквизиціи, — эти позорныя страницы для католицизма?

Можетъ ли подобная церковная институція явиться плодомъ творчества одного человѣка? Не коренится ли она въ болѣе глубокихъ причинахъ и въ болѣе существенныхъ условіяхъ?

Имя этого человѣка сдѣлалось извѣстнымъ въ Лангедокѣ съ первыхъ годовъ XIII столѣтія. Альбигойская ересь росла тогда съ поступательною быстротой. Всѣ сословія на

scripta. Tol 1693, in. f. Opusculum de haeresi Albigensium, de inquisitione etc. p. I, 84; p. III, 109. — Авторъ съ замѣчательною ревностью старается удержать за доминиканцами славу первыхъ инквизиторовъ; «Plures simul et semel post sanctum Patrem egerunt contra Albigenses praecipue post Bullam Honorii Pp. III datam 1218, quo tempore alias detento sanctissimo Patriarcha, Fratres nostri commissi sunt.» — См. статью Magi въ Mémoires de l'Académie de Toulouse; I, 41.

(³) F. Macedo. Schema congregationis Sancti Officii romani. Pad. 1676. — Ту же мысль спеціально развиваетъ Juan Guaston. Apologia en defensa que el Padre san-Domingho fue el primo inquisidor. Val. 1602.

Югъ Франціи, кромѣ католическаго духовенства, или раздѣляли уже убѣжденія катаровъ и вальдензовъ, или готовы были воспринять ихъ. Въ виду изумительныхъ успѣховъ ереси, Иннокентій III, только что взявшій бразды папства, сталъ принимать рѣшительныя мѣры и отпраздновалъ легатовъ и проповѣдниковъ въ Лангедокъ. Петръ де-Кастельно, Рауль, Арнольдъ, этотъ аббатъ аббатовъ, съ своими 12 спутниками, — всѣ они встрѣчались съ истомленнымъ отъ бѣдъ и поста испанскимъ пріоромъ, сопровождавшимъ епископа Озымы, дон-а-Діаго. Онъ случайно прибылъ на югъ Франціи. Діаго ѣздилъ въ Скандинавію по дѣламъ кастильскаго короля; ему и его свитѣ, въ рядахъ которой былъ Доминикъ, приходилось проѣзжать Тулузу. Въ оба раза пребываніе испанскаго духовенства не осталось безъ послѣдствій. Доминикъ отличался между всѣми особеннымъ образомъ. Молва скоро сдѣлала его святымъ. Разъ, онъ послѣ ночнаго увѣщанія обратился въ католичество закоренѣлаго еретика, у котораго ему пришлось остановиться ⁽³⁾. Бумаги, исписанныя его рукой, не горѣли въ огнѣ ⁽⁴⁾. Причина его необыкновенной въ средніе вѣка популярности именно заключалась въ мнимомъ дарѣ чудотворенія, который видѣли въ немъ склонные къ сверхъестественному современники. Если бы историкъ захотѣлъ собрать и изложить безчисленныя легенды объ его подвигахъ и чудодѣйствіяхъ, то имѣлъ бы неисчерпаемый для того источникъ въ католическихъ мѣстечкахъ. Никто изъ католическихъ дѣятелей, кромѣ его и св. Франциска, не имѣлъ болѣе богатой литературы. Первые доминиканцы тщательно собирали всѣ мельчайшія свѣдѣнія о дѣятельности своего патрона, разукрашая ихъ, а то поколѣніе, которое видѣло собственными глазами подвижничество Доминика, спѣшило скрѣпить своимъ ручательствомъ всѣ легенды, которыя принято было рассказывать о знаменитомъ человѣкѣ, искусство и заслуги котораго признавали сами альбигойцы. Вскорѣ послѣ его смерти, стали составляться подробныя жизнеописанія Доминика. Его послѣдователи, какъ второй генералъ ордена, Иорданъ и доминиканскіе духовные, Бартоломей Тридентскій

(³) Theodoricus de Apoldia. Acta ampliora S. Dominici Confessoris; c. 27. См. Acta Sanctorum, IV aug. 1867, p. 563.

(⁴) Petrus Cern. Historia Albigensium, c. 7.